

КОЛОНКИ: ЛИЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ И ПОЛИТИКУ

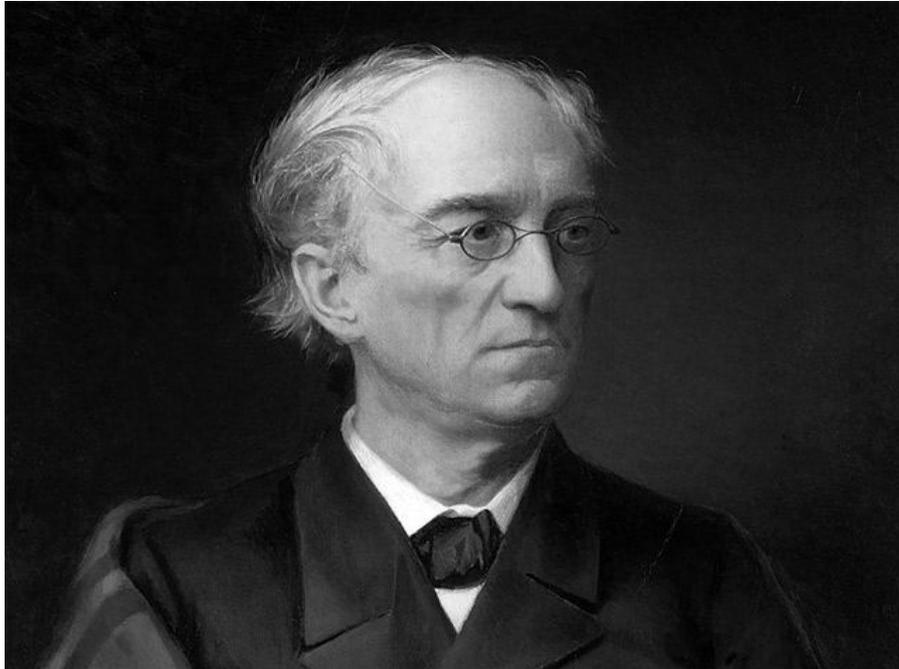
поиск

ГЕФТЕР beta

[Журнал](#)[Гид](#)[Тезисы](#)[Популярное](#)[Авторы](#)[Архив Гефтера](#)[Владимир Кантор](#)

Эсхатологические мотивы русского космизма

Бессрочная тоска или «бездна» человека: Федор Тютчев в поисках судьбы

[Карта памяти](#) 27.02.2017 // 👁 372

Быть может, главная тема русской мысли и русской литературы второй половины XIX века — это смерть как основа космического миропорядка и попытка прояснить отношение человека к этому неумолимому закону. Она постоянно звучит у Льва Толстого: вспомним его «Три смерти», многочисленные смерти в «Войне и мире» и, наконец, «Смерть Ивана Ильича», где какая-то бездна засасывает героя. Это тема и Достоевского — особенно в «Братьях Карамазовых», романе, который строится на теме отцеубийства, т.е. крушении основ человеческого бытия, где в главе «Бунт» и поэме Ивана Карамазова о Великом инквизиторе мы чувствуем дыхание апокалипсиса, а в другой поэме этого же героя, «Геологический переворот», вообще ставятся вполне эсхатологические проблемы.

Эсхатология — это учение о конце света, но если человек есть часть вселенной, то его гибель можно воспринять как предвестие земного катаклизма. Своего рода космический бунт (сродни бунту Ивана Карамазова), заложенный в идее **преодоления смерти человека через воскрешение отцов**, затеял по сути дела Николай Федоров. Он сформулировал идею преодоления тысячелетнего хода дел на Земле — именно преодоления, ибо предложенный человеку миропорядок предполагает неминуемую гибель отдельной человеческой единицы. К федоровской концепции вполне можно отнести эти слова. Это была вполне оптимистическая и в конечном счете утопическая программа.

Русская культура знала, однако, в те же годы более реалистические и трагические концепты. Одним из наиболее глубоко и страстно разрабатывавших эту тему космической обреченности человека был Федор Иванович Тютчев, любимый поэт как Толстого, так и Достоевского. Вечная и бесконечная природа и конечный человек — вот его проблема, и решает ее он вполне философски. Столь философской поэзии до Тютчева русская литература не знала. «Его ум, — замечал Вл. Соловьев, — был вполне согласен с вдохновением: поэзия его была полна сознанной мысли, а его мысли находили себе только поэтическое, т.е. одушевленное и законченное выражение» [1]. Еще сильнее сказал об этом Семен Франк: «Космическое направление, которое проникает всю поэзию Тютчева и превращает ее в конкретную, художественную **религиозную философию**, проявляется в ней прежде всего в характере **общности** и **вечности** ее тем, предметов ее художественного описания. Вряд ли найдется другой поэт, который в такой мере, как Тютчев, направлял свое внимание прямо на вечные, непреходящие начала бытия. Времена года, день и ночь, свет и тьма, хаос, море, любовь, душа, жизнь и смерть, человеческая мысль — все это служит у Тютчева предметом художественного описания не в их отдельных, случайных, частных проявлениях, а в их общей, непреходящей стихийной природе, все это изображается, говоря платоновским языком, не в отраженных случайных подобиях, а в вечной идеальной сущности» [2].

Но при этом Тютчев прежде всего поэт катастрофизма, каждую минуту чувствующий временность человека перед лицом природы, проникнутый сознанием, что «отдельные личности — пустые марева, которые бесследно проходят одно за другим в мгlistых промежутках времени» [3]. Бытие человека всегда обречено бездне, **хаосу**, понимаемому, разумеется, не только как беспорядок, а — в переводе с древнегреческого — как **пустота, зияние** [4], но одновременно и как неорганизованная, не структурированная, не индивидуализированная праматерия будущего космоса. Эти слова-понятия — **хаос и бездна** — идут лейтмотивом поэзии Тютчева [5].

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезю природы.*

*Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

(«От жизни той, что бушевала здесь», 17 августа 1871)

Эта всепоглощающая бездна, однако, лишь раз была им названа миротворной. На самом деле, она открывалась его ночному зрению и воспринималась как вместилище Хаоса, древнего, родового проклятия человека.

*Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покровов,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!*

(Не позднее начала 1839)

При чем эти «страхи и мглы», о которых пела ночь, он находил в самом человеке, что несомненно не давало устойчивой опоры в борьбе за бытие против бездны небытия.

*О, страшных песен сих не пой
Про древний **хаос**, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними **хаос** шевелится!..*

(«О чем ты воешь, ветер ночной?», начало 30-х гг.)

Прочитав эти строчки, Франк спрашивает: «Каким образом слияние с всеединством, которое омывает эфирной струей всю тоску одинокой человеческой души, может само быть “часом невыразимой тоски”? Почему ужас объемлет душу именно тогда, когда душа жаждет слиться с беспредельным, и это слияние ощущается, как **погружение души в темный хаос**?» [6]. Очевидно потому, и сам Франк об этом говорит, что хаос есть непременная составляющая мироздания, антитеза космосу. Гораздо раньше Франка в связи с поэзией Тютчева сказал об этом Соловьев: «**Хаос**, т.е. отрицательная беспредельность, **зияющая бездна** всякого безумия и безобразия, демонические порывы, восстающие против всего положительного и должного — вот глубочайшая сущность мировой души и основа всего мироздания. Космический процесс вводит эту хаотическую стихию в пределы всеобщего строя, подчиняет ее разумным законам, постепенно воплощая в ней идеальное содержание бытия, давая этой дикой жизни смысл и красоту. Но и введенный в пределы всемирного строя, хаос дает о себе знать мятежными движениями и порывами» [7].

Замечательный русский богослов отец Георгий Флоровский удивлялся, рассуждая об историософии Тютчева: «Трудно перекинуть даже хрупкий мостик от его православного империализма к космической интуиции гения, одушевлявшей его чудную поэзию» [8]. Но, как заметил о Тютчеве Ходасевич, говоря о странном соседстве в одном человеке дипломата и поэта: «Он стремился устроить дела Европы, но в Хаосе он понимал больше» [9]. Любой человек, будь он хоть трижды дипломат, сознает страшную правоту поэта, которая становится ясна, если взглянуть по ту сторону дня.

*Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый **над бездной.**
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу **пред пропастью** темной.*

*На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как **в бездне**, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.*

(Между 1848 и мартом 1850)

Итак, по Тютчеву, человек всегда находится над бездной, перед пропастью, более того, он носит эту бездну в себе — это его родовое и роковое наследие. Разумеется, сорваться в нее возможно в любой момент, как отдельному человеку, так и человечеству. Надо сказать (вопреки Ходасевичу), что и на мировую политику и дипломатию Тютчев смотрел вполне поэтически, т.е. с точки зрения вечности и борьбы человека с космической бездной. Апокалиптическое настроение, скажем, посещало Тютчева в связи с его размышлениями над судьбой любимой им Западной Европы. И грядущая возможная катастрофа этого уютного мира тем опасней, что Запад отгородился от проблем бытия удобствами быта и не видит зловещих слов, писанных на его гобеленовой стене, в его кажущемся ему безмятежном небе. Тютчев же полон эсхатологических предчувствий. Статью 1848 года «Россия и Революция» он заканчивает грозными словами: «Она [Россия] не устрашит величия своего призвания. И когда же это призвание могло быть более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными буквами на этом небе, омраченном бурями... Запад исчезает, все рушится, все гибнет в этом общем воспламенении: Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, католицизм и протестантизм, вера, давно уже утраченная и разум, доведенный до бессмыслия, порядок отныне немыслимый, свобода отныне невозможная, и над всеми этими развалинами, ею же созданными, цивилизация, убивающая себя собственными руками... Когда над этим громадным крушением мы видим всплывающим святым ковчегом эту империю еще более громадную, то кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, сынам ее, являть себя неверующими и малодушными» [10]. Россию воспринимал он в конце 40-х — начале 50-х как могучий утес, как единственную силу, способную противостоять надвигающемуся апокалипсису. Образ надвигающегося на Европу катаклизма явлен в стихотворении 1848 года «Море и утес»:

*И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном.*

Но столь же ясна и надежда на Россию.

*Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой, —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь наш великан!*

И все-таки в такой позиции было больше метафизики, нежели политики. Хотя и политика читалась им сквозь призму эсхатологии. Ему казалось, что грядущей гибели человечества противопоставит Россия. Катастрофа крымского поражения развеяла иллюзии Тютчева о незблемости России, ее вечности и неподвластности законам космического миропорядка. Да и славянство не становилось искомой силой: «Молчит сомнительно Восток». У него как человека скорее всего неверующего [11] оставалась тем не менее надежда на терапевтическую, целительную роль христианства, в том числе и по отношению к России. Он, правда, говорил (1855), что всю родную страну, благословляя ее, исходил в рабском виде Царь Небесный, но все же, как и Достоевскому, писавшему незадолго до смерти (1879), что «христианство есть единственное убежище Русской Земли ото всех ее зол» [12], ему была очевидна недостаточная, не очень глубокая христианизация русского духовного склада. Спустя два года после стихотворения о благословлявшем родную страну Христе, он вдруг пишет язвительно-трагические строки, напоминающие раннего Языкова или инвективы и надежды будущего Достоевского:

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..*

*Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые гнилые раны,
Рубцы растлений и обид,*

*Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...*

(13 августа 1857)

В письме дочери от 27 марта 1871 года он почти с отчаянием выкрикнул: «Ах, если бы Христос воистину воскрес в мире — ибо спасение этого мира, хотя бы и временное, может быть достигнуто лишь такой ценой» [13]. Но спасения не было. И теперь менее всего он надеется на него именно в России. Уже в 1867 году он замечал: «**Разложение** повсюду. Мы **двигаемся к пропасти** не от излишней пылкости, а просто по нерадению. В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию. И тем не менее, даже в виду подобного положения вещей, произвол, как и прежде, дает себе полную волю» [14]. Конечно же, в этой ситуации тема бездны, в которую нисходит или проваливается человек, вернулась в его поэзию.

Отныне и окончательно определяющей его поэзию становится тема хаоса, вырывающегося из провала в небытие, всепоглощающей пучины, пропасти, бездны, которая окружает и поглощает человека. Но говоря об этой теме у Тютчева, нельзя не сказать, что русская поэзия, начиная с Ломоносова, постоянно и мучительно размышляла о том, что находится за пределами доступного человеку видимого бытия. Напомню пару строк из ломоносовского стихотворения 1845 года «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния»:

*Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
**Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.***

*Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне;
Так я, **в сей бездне** углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен.*

Чем не переключка с тютчевским «День и ночь», с его фантастическим описанием места земли в космическом пространстве: «И мы плывем **пылающею бездной** // Со всех сторон окружены». Но если у Ломоносова человеческое ощущение перед непознаваемым пробуждает жажду естествоиспытателя **узнать, понять, познать** мир, то Тютчев рисует **внятный каждому** — ужас перед тем, что не подвластно уму, а если и подвластно, то непреодолимо.

Но даже называя бездной ту бездну, в которую падает человек, т.е. смерть, русские поэты принимали ее как закономерность. Вот Державин:

*Тебе в наследие, Жуковский!
Я ветху лиру отдаю;
А я **над бездной гроба** скользкой
Уж преклоня чело стою.*

(1808)

Для Тютчева бездна эта ужасна тем, что поглощает человека неожиданно:

*Увы, что нашего незнанья
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: **до свиданья**
Чрез бездну двух или трех дней?*

(11 сентября 1854)

Темное жерло небытия — вполне определенная и неотменяемая участь, уготованная роющему «мыслящему тростнику», как Тютчев определял человека вслед за Паскалем. От бессмертной природы человек отличается лишь одним — разумом, и разум есть проклятие человека, но и залог его величия. Это Тютчев очень понимал. Но разуму не одолеть бездну небытия («Самое бесполезное в этом мире — это иметь на своей стороне разум» [15], — писал он дочери в 1873 году незадолго до смерти), поэт может лишь осознать ее и почувствовать, пережить метафизическую тоску.

*Былое — было ли когда?
Что ныне — будет ли всегда?..
Оно пройдет —
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в **темное жерло**
За годом год.*

*За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
Сей знак земной!..
Он быстро, быстро вянет — так,
Но с новым летом новый знак
И лист иной.*

И этому **новому знаку** тютчевский лирический герой совсем не рад. Надо сохранить каждого, конкретного.

*Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветешь!*

В «Философии общего дела» Федоров писал: «Если смотреть на историю как на осуществление “Благой Вести”, то станет ясно, что если всеобщее воскрешение и не совершилось вслед за Воскресением Христа, то оно за ним следует, что Воскресение Христа есть начаток всеобщего Воскрешения, а последующая история — продолжение его. Одновременно с Воскресением Христа всеобщее Воскрешение и не могло совершиться, потому что оно есть сознательный труд объединенного на всем пространстве земного шара человеческого рода, область действия коего не ограничивается даже пределами земной планеты» [16].

Интуиция Тютчева прямо противоположна федоровской, хотя принадлежит той же космической сути. Тютчев был убежден, что последнее слово останется за природой, что человек никогда не переборет ее. Более того, победа природы над человеком заложена Божиим произволением. Эта мысль абсолютно прозрачно выражена в стихотворении «Последний катаклизм»:

*Когда пробьет последний час природы, —
Состав частей разрушится земных
Все зримое опять покроют воды,
И Божий лик изобразится в них.*

Это эсхатологическое (отчасти в духе **Фалеса**, учившего о воде как первоначале) изображение конца света поражает своим эпическим спокойствием, оно дано как некая констатация факта, как своего рода знание космической судьбы Земли. Тютчев бесконечно декларировал

превосходство природы над «мыслящим тростником», но при этом вся его поэзия — это крик боли за человека перед лицом неумолимых космических законов.

Но почему вообще в России так была сильна космическая тема? Федоров понимал географическое положение России как своеобразный котлован [17]. А из провала, из ямы, из котлована (хоть и страшного — как у Андрея Платонова) звезды видней, они видны даже среди белого дня. Русские люди слишком часто ощущали себя на дне жизни, в котловане. Русская жизнь практически никогда не была защищена бытом от неурядиц бытия, а потому, как всякая культура в таком положении, скажем, древнееврейская в свое время, она остро чувствовала космические и хаотические движения мироздания. Космизм и футуризм явились в России не случайно. Чем меньше шансов на благоустройство повседневной жизни, тем запальчивее и фантастичнее мечта.

Мечтал, однако, и Тютчев.

*Если смерть есть сон, если жизнь есть день —
Ах, умаял он, пестрый день, меня!..
И сгущается надо мною тень,
Ко сну клонится голова моя.*

*Обессиленный, отдаюсь ему...
Но все грезится сквозь немую тьму —
Где-то там, над ней, ясный день блестит
И незримый хор о любви гремит...*

(1868 или начало 1869)

Если постоянна мысль его о тьме, которая основа света, то здесь впервые свет пробивается сквозь тьму, тот самый «свет во тьме», о котором говорил апостол Иоанн, автор Апокалипсиса. Откуда же исходит свет? По Тютчеву, из человеческого и Божественного сочувствия:

*И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.*

Благодать нами не заслужена — так понимает это православие. Она дается нам как милость. Космический, Божественный миропорядок несет смерть. Ужас этого миропорядка можно преодолеть Божьей милостью — благодатью, обещающей нам **по ту сторону** жизнь вечную. Благодать для православного человека сильнее и ценнее Закона (об этом говорил еще митрополит Иларион). Воспитанный западноевропейской культурой, Тютчев понимал трагическую необходимость Закона, который правит миром с помощью Смерти. О благодати и сочувствии можно только мечтать, и получить их в земной жизни доступно лишь через людей, живущих нелегко по христианским правилам, т.е. по христианскому Закону. Круг замыкается. Благодать немыслима без Закона.

Последнее его стихотворение обращено к жене и говорит о таком сочувствии, которое способно преодолеть эсхатологическую тоску бытия:

*Все отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил он,
Чтоб я Ему еще молиться мог.*

(1873)

Иными словами, сострадание, сочувствие способны дать веру в Бога, а не наоборот. Бог казнит, а человек милует и тем самым спасает веру в Бога. Может ли это сочувствие одолеть Апокалипсис? Видимо, нет. Но оно может поддерживать живую душу в людях, живущих на космическом теле под названием Земля.

Примечания

¹ Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. СПб., б.г. С. 123–124.

² Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 322–323.

³ Айхенвальд Ю. Тютчев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 124.

⁴ Тютчевское погружение в античную философскую мысль — факт достаточно известный, что и дает основание ссылаться на древнегреческое значение слова *хаос*. Ср.: «Так, одновременное употребление в стихотворении “О чем ты воешь, ветр ночной...” (I, 57) относящихся к одному и тому же объекту образов “Беспредельное” и “Хаос” позволяет предполагать, что они пришли к Тютчеву не случайно. Их происхождение — из античности; для этого достаточно вспомнить, что Беспредельное (“Апейрон”) Анаксимандра есть не что иное, как попытка понятийного осмысления Госнодова мифологического образа Хаоса» (Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 86).

⁵ В дальнейшем эти, и близкие им по значению, слова во всех цитатах выделены мной темным шрифтом без специального на то указания. — В.К.

⁶ Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 327.

⁷ Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 7. СПб., б.г. С. 126–127.

⁸ Флоровский Г. Исторические прозрения Тютчева // Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 232.

⁹ Ходасевич В. О Тютчеве // Ходасевич В. Перед зеркалом. М., 2002. С.

¹⁰ Тютчев Ф.И. Россия и революция // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. СПб.: изд. Т-ва А.Ф. Маркс. 1913. С. 306–307.

¹¹ Как писал редактор «Русского вестника» и близкий родственник Е.А. Денисьевой А.И. Георгиевский о безудержности Тютчева после смерти возлюбленной: «Федор Иванович, глубоко понимая все значение религии в жизни отдельных людей и целых народов, и всего человечества и высоко ценя и превознося нашу православную церковь, сам был человек далеко не религиозный и еще менее церковный: никакие изречения из священного писания или из писаний отцов церкви, столь отрадны для верующего человека и столь способные поддержать и возвысить его дух, в данном случае не оказались бы действительны» (Георгиевский А.И. Из «Воспоминаний» // Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988. С. 366).

↑12. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30-ти т. Т. 30. Кн. 1. Л., 1999. С. 68.

↑13. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988. С. 323.

↑14. Там же. С. 315-316.

↑15. Там же. С. 325.

↑16. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 214-215.

↑17. «Мы заняли этот аскетический пост, эту уединенную глушь, не разделяемую никакими горами, ни интересами, свойственными бойким местам, этот необозримый простор, исключавший вражду за обладание землями, эту беззащитную котловину» (Там же. С. 306).

Темы: [литература](#), [поэзия](#), [филология](#)

Комментарии

0 Комментариев

Gefter.ru

1 Войти ▾

♥ Рекомендовать

🔗 Поделиться

Лучшее в начале ▾

Начать обсуждение...

Прокомментируйте первым.

✉ Подписаться ➕ Добавить Disqus на свой сайт Добавить Disqus Добавить 🔒 Конфиденциальность

[Ответ на ответ](#)

"В обсуждение моей статьи "Традиция раздора" включился Андрей Десницкий. Прежде всего, следует указать на то, что уважаемый комментатор весьма специфически трактует мое утверждение об отсутствии фактических различий в жизни христианских общин, напрямую зависящих от филоквической тематики, что может стать базой для развития пневматологии..."

Олег Давыдов

Структура социального капитала

[Брекзит, Британия и ЕС: тестирование на реальность](#)

[«Британские надежды не должны быть чересчур большими»: Джон Мейджор в Chatham House 28 февраля 2017 года](#)

 Интернет-жур...
11 тыс. нравится

Нравится
Мнек можно стучаться в...
но, что после...
использования и...
взгляды...
Позна

Нравится вам и еще 175 друзьям

Follow @gefter_ru { 626 followers }

 Интернет-журнал "Гефтер"
gefter.ru
2 293 подписчика

Подписаться на новости

[Пожалуй, в самом глухом уголке самой религиозной страны на нашей планете не встретишь такого упования на чудо, как в великой державе, которой атеизм многими десятилетиями служил одной из неперенных опор...](#)

Михаил Гефтер. Из «От Анти-Сталина к Не-Сталину: непройденный путь»

Самое читаемое за месяц

Дмитрий Узланер

[Новый атеизм: можно ли бороться за науку с помощью невежества?](#)

15 642

Александр Морозов

[Донбасский момент безнаказанности](#)

14 636

Сергей Сергеев

[Как возможна русская нация?](#)

5 256

Михаил Идов

[Россия: жизнь после доверия](#)

3 850

Лев Усыскин

[Казус Мединского: на руинах скандала](#)

3 442

[Тезаурус](#)

[Россия](#) (280)

[СССР](#) (160)

[философия](#) (135)

[литература](#) (127)

[историография](#) (126)

[Контакты](#)

[Партнеры](#)

[О проекте](#)

© [Михаил Гефтер](#), 2012-2017.